

УДК 94(470.25)''11/13'':342(045)

*А. Ю. Дворниченко***ВОЗНИКНОВЕНИЕ ПСКОВСКОЙ ПОЛИТИИ (XII – ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА XIV в.):
ВНЕШНИЕ ФАКТОРЫ И ВНУТРЕННИЕ ПРОЦЕССЫ¹**

В традициях школы И. Я. Фроянова недостаточное внимание до сих пор было уделено становлению города-государства Псков, формированию его политики в связи со сложными отношениями с «братом старейшим» – Великим Новгородом. Есть два историографических «полюса» в подходе к этой проблеме: или чрезмерно ускорять процесс выделения псковской волости, или вообще его не наблюдать. Между тем, истина в каком-то смысле посередине. Псковская история, вообще, дышит глубокой архаикой. Процесс выделения Пскова в самостоятельный город-государство начинается довольно поздно и непосредственно связан с внешними факторами, в частности, с колониальной политикой в прибалтийских землях. Однако окончательно разорвать пуповину, связывающую его с Новгородом, Псков не мог вплоть до весьма поздних времён.

Ключевые слова: города-государства, Псков, Новгород, псковская волость, внешний фактор, внутренние процессы.

DOI: 10.35634/2412-9534-2024-34-3-611-626

В книге, посвященной городам-государствам Древней (Новгородско-Киевской) Руси, досадно мало говорится о возникновении подобного образования в Псковской земле [50, с. 165–166, 169–170, 174, 176 и сл.]². Во всяком случае, рождение псковской политики (города-государства) там не выделено в отдельную исследовательскую проблему. Может быть потому, что хронологически процесс этот выходит за пределы той самой Руси. Между тем, даже первичное ознакомление с материалом возбуждает ряд актуальных вопросов: когда и как шло образование псковского города-государства, имевшего большое значение в нашей средневековой истории? Какова роль внутренних и внешних факторов в этом процессе? Каковы особенности псковской политики? Да и ряд других.

В рамках школы И. Я. Фроянова изучению данной проблематики как-то не повезло. Начавший над ней свою работу в 90-е гг. С. А. Афанасьев [3], куда-то пропал – кто знает, куда пропадали люди из науки в ту мрачную/веселую эпоху очередной смуты. А. В. Валеров – талантливый молодой ученый – успел написать даже интересную книгу [9]³, но рано, слишком рано, ушёл из жизни. Этой книгой он органично вошёл в дискуссию, которая шла по поводу новгородско-псковских отношений и, соответственно, образования псковской политики.

Крайнюю версию ещё в 70-е гг. высказала С. И. Колотилова, согласно утверждению которой получается, что Псков, вообще, не был пригородом Новгорода, а со временем установился модус отношений двух «городов-братьев» [23, с. 145–146]⁴. Славная псковская исследовательница нарисовала явно романтизированную картину взаимоотношений двух этих северо-западных богатырей. В. Л. Янин посчитал её вывод «экстравагантным», а сам пришёл к заключению, что если в первой трети XII в. хорошо прослеживаются признаки принадлежности Псковской земли Новгороду, то события 1136 г.

¹ Исследование выполнено в рамках гранта Российского научного фонда. Тема: «Национальная идентичность в имперской политике памяти: история Великого княжества Литовского и Польско-Литовского государства в историографии и общественной мысли XIX–XX вв.». Проект № 19-18-00073-П.

² Это же можно сказать и о об одном из последних могучих трудов И. Я. Фроянова. См.: [51, с. 535–536, 542–543, 550]. Оправданием нам служит то, что тема эта сама тянет на монографический труд.

³ На эту книгу была рецензия, написанная также учеником И. Я. Фроянова – С. А. Никоновым. См.: [35, с. 159–168].

⁴ Её выводы принял британско-литовский историк С. К. Роуэлл [62, р. 2]. Впрочем, его видение ситуации вызывает вопросы. В частности, я не понимаю, что он хочет сказать: псковичи давали военный контингент, но не подлежали территориальной власти Новгорода («They did not contribute to the territorial dominium of Novgorod»). «Волость» в Киевской Руси была полисемантическим понятием: оно могло означать и власть, и территорию». А. В. Валеров также отказывается употреблять термин «пригород» по отношению к Пскову, мотивируя тем, что он не используется в самих летописных источниках [9, с. 99]. Но это можно сказать и о других землях. И сие понятно: летопись – не протокол! Кстати, А. В. Валеров в другом месте писал уже по-другому: «... Новгородцы не желали смириться с потерей столь важного пригорода» [9, с. 183].

коренным образом изменили статус взаимоотношений этих волостей: Псков окончательно освободился от власти Новгорода» [54, с. 8–11].

Идеи В. Л. Янина встретили возражения со стороны В. А. Бурова – также специалиста по археологии Новгорода, которые он высказал в письме в редакцию. Мэтр тогда в долгу не остался и ответил также письмом с дополнительными аргументами [39, с. 208–210]. Собирая свои статьи в сборник, В. А. Буров собрал и свои возражения главе Новгородской экспедиции [8, с. 139–144]. Некоторые его соображения кажутся убедительными, например, обоснование отсутствия Пскова в «Уставе о мостех», но основной вывод – романтично-наивный вполне в духе С. И. Колотиловой: дескать, Новгород был господином по отношению к своему «молодшему брату» даже и в XV в. [39, с. 144]. Трудно, например, согласиться с утверждением, что князь в Псковской земле – не свидетельствует независимости, а «элемент самоуправления» [39, с. 139]. Везде в Древней Руси появление князя, который приходил на смену наместникам и посадникам, знаменовало собой усиление самостоятельности и «независимости» [50]. Явно неправ он и когда пишет о неких «особых вассальных отношениях» между Новгородом и Псковом [39, с. 141] – наши люди в старину такими западными штучками не пробаивались. Не убеждают более поздние примеры типа того, что сибирский хан Кучум называл Грозного-царя «братом старейшим». Называть-то называл, но было это уже в других исторических условиях.

Как видим, уже в прошлом веке/тысячелетии возникло два историографических полюса восприятия псковской самостоятельности: относить её возникновение к очень ранним временам, или вовсе её не признавать. Вот такая историографическая альтернатива.

Подход Янина к древностям Северо-Запада поддержал А. В. Валеров⁵, опровергнув кое-какие соображения Бурова, в частности, справедливо полагая, что нельзя отбрасывать слова Ипатьевской летописи о том, что однажды Псков от Новгорода «отложишася» [9, с. 109–110]⁶. Однако с его выводом о возникновении в это время псковской политики трудно согласиться⁷. Как и В. Л. Янин [54, с. 9]⁸, он делает упор на самостоятельное псковское княжение. Княжеский стол в Пскове видим уже после смерти Владимира Святославича, на котором сидел несчастный Судислав, но княжение здесь прекратилось быстро [54, с. 8]⁹. Кстати, серьёзных доказательств в пользу того, что с 30-х гг. XII в. в Пскове было самостоятельное княжение, академик не привёл, сконцентрировавшись на правлении легендарного князя Аведы [54, с. 9].

Тем же путём пошёл и А. В. Валеров. К сожалению, недостаток места не позволяет мне анализировать все материалы его книги. Скажу в целом, что когда речь идёт о второй половине XII – начале XIII в. концепция «государственной самостоятельности» Пскова для этого времени не подтверждается приводимыми им доводами и, как мне бросилось в глаза, выглядит как некая мантра, которую автор постоянно повторяет, стараясь, наверное, убедить и себя, и читателя¹⁰. Ему приходится идти на явные натяжки, например, искать указания на положение Пскова во второй половине XII в. в договорных грамотах XIII в., изучать вместе с В. Л. Яниным легендарный договор не менее легендарного князя Аведы, не видеть власти Новгорода в известных летописных событиях, как, например, события 1192 г. – визит Ярослава Владимировича в Псков [42, с. 40, 23]¹¹. Как подметил С. А. Никонов, Алексей видел в любом князе, который появлялся в Пскове, самостоятельного правителя [35, с. 163].

⁵ В своей книге он обнаружил интересную историографическую закономерность: историки XIX в. трактовали положение Пскова, как зависимое от Новгорода, не придавая значения событиям 1136–1137 гг. Советские авторы 40–60-х гг., наоборот, признавали, что Псков в это время сделал значительный шаг на пути обретения самостоятельности [9, с. 105].

⁶ Я, правда, не понимаю, почему придаётся такое большое значение этому слову – речь-то ведь шла о конкретной ситуации, и, в конце концов, новгородцы с «пльсковичи съмиришася» [42, с. 25].

⁷ Псков, судя по археологическим данным, на рубеже 1030–1040-х гг. испытал потрясение – «гибель раннегородского образования», что, конечно, ослабило его. См.: [6, с. 55]. Это также надо учесть.

⁸ Е. Л. Назарова заметила, что после смерти в 1138 г. князя Всеволода город более 60 лет не имел своего князя [30, с. 351]. Срок внушительный ...

⁹ Не могу не заметить, что, рассуждая о появлении уже в то время в Пскове князя, В. Л. Янин смешивает два понятия: «княжение» и «княжество», что недопустимо, поскольку Новгородско-Киевская Русь домонгольской поры второго термина и вовсе не знала.

¹⁰ Натяжкой, допущенной именно для того, чтобы обосновать раннее отделение Пскова от Новгорода выглядят и рассуждения о соотношении в летописи понятий «область» и «волость». См.: [9, с. 141]. Не доказывает это отделение и тот факт, что в Повести о битве на Липице псковичи упомянуты отдельно от новгородцев. Ср.: [9, с. 143].

¹¹ Ср.: [50, с. 174].

Подобную мысль (уже в отличие от В. Л. Янина и И. О. Колосовой), он высказал и о псковском посадничестве. По его мнению, после приснопамятного 1132 г. в Пскове возникает выборное городское посадничество. С. А. Никонов справедливо отметил, что сама жизненная планида посадника Мирослава, отслеженная В. Л. Яниным, свидетельствует о том, что посадничество «нового типа» (т. е. посадничество выборное) здесь ещё не возникло [35, с. 162].

Касательно событий 30-х гг. А. В. Валеров писал, что в вече в Новгороде участвовали новгородцы, псковичи и ладожане, а потом «Мирославу даша посадницяти в Пльскове, а Рагуилове в городе». Значит, – рассуждал историк, – посадники равны между собой в том плане, что они были легитимно избраны всей областью [9, с. 106]¹². Мне такая логика непонятна: ведь последнее слово всё равно оставалось за новгородцами! К тому же, историк основывается только на Синодальном списке, а есть ещё и Комиссионный, в котором сказано: «Мирославу даша посадницяти в Пльскове, а Рагуилове в Ладозе» [42, с. 207].

Похоже, что постоянной власти посадника (даже «старого типа») здесь не возникло и к концу столетия. Тогда новгородский князь смоленской ветви Рюриковичей Мстислав Ростиславич наводил порядок в земле, нанес поражение чюди, а на обратном пути вошёл в Псков и «изыма сотскеи про Бориса сыновца своего, зане не хотяху сыновца его Бориса, и тако утвердися с людьми и иде оттуду к Новугороду» [41, стб. 608]. Тут всё красноречиво: князь главного города навязывает общине правителя (видимо, князя и посадника в одном лице), которого они не хотят. В конце концов, с общиной (людьми) удалось договориться, а разменной монетой стала общинная власть – сотские. Посадника тогда в городе не было.

Можно и другие соображения приводить, но дело, собственно, не в этом. Вся дальнейшая история взаимоотношений между Псковом и Новгородом показывает, что прав в своих осторожных оценках И. Я. Фроянов, который видит в данных событиях лишь сильную интенцию, «стремление» Пскова отделиться от главного города, создать свою суверенную волость. Эта тяга скорее свидетельствует не о способности Пскова создать такую волость, а «о завершении становления самого Новгорода как города-государства» [51, с. 536]. Процесс превращения Пскова и его округа в полновесную и полноценную политику не был одномоментным – он требовал значительного времени и сил.

Я больше склонен согласиться не с А. В. Валеровым, а с другим выпускником нашего исторического факультета – Д. Г. Хрусталёвым – в том, что значение Пскова «...начинает неизменно и неукоснительно расти именно в первые годы XIII в.». Если учесть вечную относительность всего «неизменного и неукоснительного», то с этим тезисом можно согласиться. При этом историк призывает связать это, с одной стороны, «с колонизационным обустройством Прибалтики» [52, с. 75]¹³, а с другой стороны, – со «становлением городской общины и ростом самосознания горожан» [53, с. 48]. Что касается последнего, то оно явно запаздывало, по сравнению с другими городами-государствами Руси¹⁴.

Кстати, и в XIII в. торопить процесс обособления не стоит. Многое здесь развивалось так, как это было и в других землях. Сначала псковичи учатся изгонять князей, о чём свидетельствует судьба Владимира Псковского [42, с. 52, 250]¹⁵. Зато в Прибалтике начинается пусть условное, но вполне реальное размежевание «зон ответственности» Новгорода и Пскова: первому отходят земли Северной Эстонии (Вирония), Води, Ижоры и Карелии, а второму – области Южной Эстонии (Уганди, Вайга и отчасти Сакала) и Северной Латгалии (Талава, Атзеле) [52, с. 75]¹⁶. Начинаются попытки Пскова разыграть немецкую карту: Владимир, собственно, и поплатился за эту политику – народ псковский не смог ему простить это сотрудничество, вплоть до установления родственных связей [10, с. 13]¹⁷.

¹² Участие псковичей в новгородском вече удивило С. Роуэлла. См.: [62, р. 2]. Но это было характерно для древнерусских городов-государств.

¹³ Действительно, уже в это время актуальным стал внешний («колониальный») фактор, т. е. борьба за дани с чюди и сосол. См.: [33, с. 85–87].

¹⁴ Исследователи чувствовали эту псковскую архаику, но не хотели в неё верить, считая лишь «впечатлением». См.: [13, с. 167]. Ничего обидного для Пскова в этом нет, а наоборот – хорошо, что он дольше оставался в состоянии яркой (пусть и «детской») демократии.

¹⁵ Возмездием для них тут же стала литва, которая «много зла створиша». Летописец акцентирует внимание на отсутствии князя в городе.

¹⁶ Речь, на мой взгляд, надо вести не столько о самих землях, сколько о даях с этих земель.

¹⁷ См. также: [28, с. 120].

Не удивительно, что Владимир быстро переориентировался в своей политике, направив её против немцев. Впрочем, тут для нас важнее другое: политика Новгорода и Пскова пока была идентичной¹⁸. Уже в конце второго десятилетия нового века немцы стараются своей политикой отколоть Псков от Новгорода. И дело тут не в покладистости псковичей, как таковой [52, с. 109], а в особенностях его геополитического положения. А в третьем десятилетии «мир с Ригой становится для Пскова более важным, чем военный союз с Новгородом» [52, с. 137]. Может, это и слишком сильно сказано, но ориентация на немцев была снова на повестке дня.

Нужно обязательно учесть и отношения с «колониальной периферией». Недалековидные действия «старшего брата» приводили к нападениям прибалтийских племён на Псков, а Ярослав Владимирович, желая вернуться в Псков, даже готов был передать город и волость под управление епископа Дорпата¹⁹.

На этом «внешнеполитическом фоне» не могут не привлечь внимания события 1228 г., когда князь Ярослав, вкупе с новгородскими посадником и тысяцким, везли псковичам в коробьях не то оковы, не то «овощи» (1228 г.) [42, с. 66, 271]²⁰. То, что было после, много раз описывалось в научной литературе и можно не повторяться. Важно обратить внимание на то, что был заключен союз между Ригой и Псковом, предполагавший оказание помощи друг другу в случае нападения третьей стороны [28, с. 300]. Д. Г. Хрусталёв тонко подметил, что такой союз уже был при Владимире в 1210 г., но тогда за него ратовал князь, вступавший для этого даже в родственные связи с немцами, а теперь союз подтвердила уже *община* Пскова [52, с. 169]²¹. Союз был направлен против новгородцев и литвы – литовский фактор всё больше выдвигается на передний план. Это был сильный конфликт между двумя общинами, но преувеличивать и его не надо, поскольку новгородцы без псковичей отказались выступать в поход в Прибалтику и в конечном итоге жертвой этого конфликта стал сам князь Ярослав.

Следующий конфликт произошёл в 1232 г., когда изгнанная из Новгорода «Борисова чадь» нашла приют в Пскове [42, с. 72]. Он также хорошо известен и рассматривался, в том числе, и в книге о городах-государствах [50, с. 177]. Свежая моя мысль такая: а не был ли этот конфликт с самого начала использован псковичами для получения князя? Уж больно быстро они утратили интерес и даже стали враждебны к «Борисовой чади» после получения князя, даже и не того, которого хотели: желали в качестве лидера Фёдора, а новгородский князь дал им шурина Юрия [9, с. 157–158]. Но, как теперь говорят, оно того стоило: псковичи получили собственного псковского князя. Можно констатировать тот факт, что, наряду с изгнанием князей, псковичи начинают испытывать явный интерес и к их «призванию». Правда, пока это им не очень-то удавалось.

Противоречия же между двумя общинами никуда не девались, всё больше находя питательную почву во внешнем факторе. Объективно говоря, мы не знаем, участвовали ли псковичи в мощном походе в прибалтийское Уганди в 1234 г. [42, с. 72–73, 283]²², но их знаменитое участие в битве при Сауле на стороне немцев, на котором я останавливаться не буду, явно не вязалось с новгородской политикой. Характерно и то, что в 1239 г. псковичи в одиночку противостоят литве и терпят поражение [44, с. 13; 45, с. 81]²³, а те «городки», которые Александр Ярославич ставит по Шелони, прикрывали от литовских нападений Новгород, а не Псков [52, с. 210]. События же начала 40-х гг., которые венчаются знаменитым Ледовым побоищем, обросли такой литературой и так непросы для понимания, что требуют отдельного внимания. Но для целей данной статьи скажу кратко, может быть, даже жертвуя доказательствами.

¹⁸ Трудно согласиться с Д. Г. Хрусталёвым в том, что сидевший в Новгороде Мстислав, предоставил Владимиру Псковскому разбираться в сложном клубке отношений с немцами и эстами [52, с. 92]. Новгород также пока хотел мирно жить с немцами.

¹⁹ История, конечно, тёмная и плохо восстанавливаемая по источникам. См.: [31, с. 591–609].

²⁰ Д. Г. Хрусталёв пишет, что А. В. Валеров, вслед за И. Я. Фрояновым и А. Ю. Дворниченко, «полагает допустимым, что князь с посадником и тысяцким ... везли в голодающий Псков продовольствие» [52, с. 170]. Мы писали более осторожно: «если верить князю Ярославу...» [50, с. 177]. Подкопив жизненный опыт, я теперь не верю Ярославу. Впрочем, Е. Л. Назарова и без моего этого опыта догадывалась, что опасения псковичей были не напрасны [30, с. 352–359].

²¹ Е. Л. Назарова искусно рисует историческую картину, чтобы доказать, что этот договор не был «предательством общегосударственных интересов Руси» [32, с. 48]. Это можно и проще оправдать: государства ещё не было, а посему и предательства этих самых интересов быть не могло. Не стоит модернизировать историю.

²² Включает ли их летописец во «всю область» новгородскую мы не знаем. Скорее всего, включает ...

²³ Впрочем, новгородцы, может, и не могли бы помочь, т. к. псковичи на «Комне» были «избиты засадою».

В 1240 г. всё начиналось примерно, как и несколько лет назад: ливонцы под началом того же князя Ярослава Владимировича «взяша» Изборск²⁴. Псковичи отправились на выручку, но военное счастье оказалось не у них. Среди убитых был и общинный военный лидер – воевода [42, с. 77, 294]. Псковские летописи про воеводу ничего не сообщают, но Псковская Первая и Синодальный список Второй сообщают об избиении 600 псковичей [44, с. 13; 45, с. 21]. Не останавливаясь на деталях, отметим, что дальше их жертвой пал сам Псков. Пока немцы стояли под Псковом, в городе началась характерная для Древней Руси борьба «партий» и победила группировка посадника Твердилы и «иных». Видимо, опираясь на этих «иных» и на немцев, Твердила²⁵ стал «владеть» Псковом [42, с. 77, 294]. Какую роль сыграл «временный ввод ограниченного контингента» войск (только замечу, не «естественного», а вынужденного «союзника») немцев [5, с. 84], трудно сказать. Представители другой «партии» с женами и детьми вынуждены были укрыться в Новгороде. Вот, собственно, что нам известно из летописания и эти выводы мои практически совпадают с выводами В. А. Валерова, как, впрочем, и историков XIX в. [9, с. 162–166]. Остальные его гипотезы: о воздействии на решение псковичей загадочного князя Герпольта, о вече по этому поводу в городе и др. – более или менее правдоподобные предположения.

Обращает на себя внимание то, что правление Твердилы начинается с грабежа (вместе с немцами) сел новгородской волости, что вскоре вылилось в настоящий натиск, когда на волость «наидоша» Литва, Немци, Чюдь, видимо, и псковские рати [42, с. 78, 295; 9, с. 168]. Здесь налицо совпадение «интервенции» со стороны иноземных соседей со столь обычной для Новгородско-Киевской Руси борьбы волостей между собой. Новгородцы, естественно, не оставались пассивными в этой борьбе²⁶. Они вновь пригласили покинувшего город становящегося знаменитым князя²⁷ и ... Дальнейшие события столь часто служили объектом анализа в нашей традиции, что позволю себе подробно на этом не останавливаться. Хочу только настоятельно подчеркнуть ясно видную направленность героических усилий новгородцев и их князя: освобождение Пскова и возвращение его в «родную гавань». Псков, по моему убеждению, был не «промежуточным этапом» [52, с. 274], а главной целью²⁸.

Насколько кровопролитным было взятие Пскова по имеющимся источникам судить трудно, но, похоже, что псковичи сразу перешли на сторону Александра и новгородцев: ничего не известно касательно репрессий против них, да и не участвовали бы они в Ледовом побоище на стороне новгородцев²⁹. И, вообще, пора уже чётко обозначить основное значение Ледового побоища – это возврат Пскова в новгородскую волость. Это и был самый реальный и весомый результат, поскольку ясно ведь и современникам, и нам, потомкам, что уничтожить тогда немецкую угрозу ни новгородцам, ни выдающемуся князю было не по силам³⁰. Как это, может, ни парадоксально, но вся эта история способствовала сплочению двух общин и замедлению дрейфа Пскова в сторону собственной самостоятельности. Тем более, что псковичи ясно поняли: надеяться на поддержку немцев в борьбе за эту самостоятельность нельзя: налицо было столкновение цивилизаций, прямо по С. Хантингону³¹. После 1242 г. Псков лишился собственного князя и находился в «зоне непосредственного контроля» Новгорода и его лидера [52, с. 312]. При этом, именно в это время возобновилось активное экономическое развитие города [27, с. 71].

²⁴ То, что отец князя владел здесь землями – неудачная версия Д. Г. Хрусталева – так можно всё, что угодно придумать. См.: [52, с. 263].

²⁵ Как уж Твердила (и иже с ним) делили власть с немцами – сказать трудно. Новгородские летописи информируют о немецких «тиунах» в городе, которые «судили». См.: [43, с. 228]. Кстати, судя по грамоте смердам-рожитчанам [16, с. 337–338], Твердила продолжал свою деятельность и после ухода немцев.

²⁶ Трудно согласиться с Д. Г. Хрусталёвым в том, что союз Пскова с немцами рассматривался новгородцами как законный, легитимный [52, с. 266, 273].

²⁷ Не хочу сейчас вдаваться в эту проблему, но мысль о том, что распря новгородцев с Александром могла произойти из-за Пскова, кажется мне конструктивной. См.: [26, с. 25].

²⁸ Весьма убедительным представляется предположение В. А. Кучкина о том, что первоначально Александр вторгся в эстонские земли, а потом «неожиданным ударом с запада» захватил Псков. См.: [26, с. 26].

²⁹ Мнение А. В. Валерова о том, что сопротивление Александру оказали не немецкие рыцари, а псковичи – не убеждает. Ср.: [9, с. 171].

³⁰ Полагаю, что в этой ситуации Александр действовал как новгородский предстатель, а не как промоутер суздальских интересов.

³¹ В этой связи догадка историков о том, что при немцах шло наступление на религиозные основы псковичей, выглядит вполне убедительной и вполне соответствует орденскому *modus vivendi*. Да и версия о том, что немцы не стали (или не могли) как-то деформировать псковский политический строй [9, с. 168] неверна – зачем бы тогда Александр давал свою грамоту, которая вошла в ПСГ? Впрочем, это мог быть и другой Александр. Ср.: [35, с. 165].

Итак, немецкая карта оказалась битой, и псковская община дрейфует какое-то время по тому руслу, которое определяется «старшим братом». Теперь вместе (гораздо успешнее) воюют с немцами, вместе «разбираются» и с князьями. Историки со времён И. Д. Беляева преувеличивают значение появления в Пскове тверского князя Ярослава Ярославича, считая, что с этого времени появился новый ряд князей, свидетельствующий о периоде самостоятельности [7, с. 144]. У меня же такое ощущение, что новгородцы могли с самого начала участвовать в судьбе князя. Мы даже точно не знаем, кто, собственно, посадил его на княжение в Пскове. Ясно, что не знаменитый брат Александр, но ведь первоначально Ярослав пошёл в Ладогу, где ладожане «почтиша» его «достоиную честью» [40, стб. 473–474]³². Вряд ли бы новгородский пригород так себя вёл, не оглядываясь на главный город. Во всяком случае, из Пскова (как он там оказался, мы просто не знаем) Ярослава «выведоша» новгородцы и «посадиша его на столе» [42, с. 80, 307].

Видимо, знаток псковской истории А. И. Никитский хорошо чувствовал эпоху, когда писал, что в 50-60-х гг. князья в Пскове были лишь новгородскими наместниками [34, с. 98]. И то правда, не годится ведь на роль самостоятельного князя другой сын Александра – Василий, попросивший убежища в Пскове, когда рассорился с отцом – который затем и выгнал его из города, послав на «Низ» [42, с. 82, 309.]. О князе Святославе Ярославиче, с которым вот-вот встретимся в нашем повествовании, знаем, вообще-то, только то, что он был в это время в Пскове и участвовал в акте крещения прибежавших литовцев³³.

Как раз литовский фактор, который пришёл на смену немецкому, многое изменил в новгородско-псковских отношениях. Когда речь заходит об этих отношениях в 60-е гг. «турбулентного» века, то главным источником является новгородская летопись. Известия эти противоречивы, прежде всего, в хронологическом плане. А. А. Зимин старался их понять, сопоставляя НПЛ с Московским сводом XV в., а В. Л. Янин ещё и с псковскими летописями [21, с. 302; 55, с. 213–214]. Новейший исследователь Д. Г. Хрусталёв, проанализировав статьи НПЛ за 6771–6774 гг., пришёл к интересному предположению о том, что «перед нами обширные вставки одного автора, интересовавшегося преимущественно псковско-литовскими событиями». Он увидел тут автора псковского происхождения, но работающего в Новгороде [52, с. 107].

Это впечатление даже усиливается, когда мы обращаемся к Новгородской четвертой летописи. Комплекс известий здесь начинается не с Александра Невского, а прямо с Литвы: «Бысть мятеж в Литве» [43, с. 234]. В то же время, во-первых, известия о Довмонте здесь продолжают дольше, во-вторых, такое впечатление, что автор не меньше, чем псковскими интересуется и новгородскими событиями. Видимо, необходимо привлечение и этого летописания для того, чтобы сделать более определенные выводы³⁴. По мысли Т. В. Гимона, известия новгородской летописи о литве «совершенно уникальны» и написаны с практической целью – для обоснования позиции Новгорода в конфликте с князем Ярославом Ярославичем по поводу Пскова [11, с. 139–144]. Если, конечно, считать, что новгородцы смотрели на мир сквозь щель только своих интересов и ничем больше не интересовались [11, с. 144; 12, с. 78], то это так. Но мне кажется, что, как и у других обитателей тогдашнего «нашего пространства», их интересы были всё-таки шире ...

Что же нас привлекает в этих известиях? После «мятежа» в Литве «вбегоша в Пльсков с 300 Литвы с женами и с детми, и крести Святослав с попы пльсковькими и с пльсковичи; а новгородци хотеша их исещи, но не выда их князь Ярослав и не избьени быша» [42, с. 85, 314]. Как видим, прибытие литовских беглецов в Псков вызвало конфликт между двумя городскими общинами. Только что псковичи торжественно крестили беглецов, а вот уже новгородцы готовы несчастных уничтожить. Лишь вмешательство новгородского князя помешало этому бессмысленному кровопролитию. А. В. Валеров отметил, что в 1263 г. в Новгород бежали сын и подвижники Товтивила, а в 1265 г. в Псков бежали враги его сына Войшелка [9, с. 197]³⁵. Вполне возможно, что именно принадлежность беглецов к разным «партиям» в Литве и вызвала соответствующую реакцию новгородцев.

³² Обычно историки пишут, что он сел на княжение в Ладоге [24]. Источники об этом ничего не сообщают ...

³³ Версия об изгнании Святослава псковичами так и просится на ум, но источниками не подтверждается. А. В. Валеров зря мне приписал такую версию [9, с. 198]. На указанной им странице я даже не упоминаю этого эпизодического князя. Ср.: [18, с. 107]. Мы о нём, вообще, знаем крайне мало.

³⁴ Хотя соображения Д. Г. Хрусталева о соотношении мартовского и ультрамартовского стилей в этой части НПЛ представляются интересными. См.: [53, с. 108–109].

³⁵ См. также: [49, с. 176].

Видимо, в составе этого беглого табора был и противник действовавшего в Литве уже известного нам Войшелка – князь Довмонт. Из новейших историков А. В. Валеров считал, что Довмонт прибыл в Псков самостоятельно [9, с. 200]³⁶ Д. Г. Хрусталев опровергает эту версию, но трудно согласиться с его утверждением о том, что Довмонт, «очевидно, не воспринимался как независимый государь», обладая только военными функциями [53, с. 114]³⁷. Во всех летописях сказано, что «посадиша его на княжении». В Древней Руси это могло означать только одно: избрание этого человека князем со всеми вытекающими из того полномочиями и последствиями. Не убеждает в связи с этим и образ князя Аугуста, которого прислал из Новгорода, уходя оттуда, Ярослав Ярославич – дескать, именно он и был «настоящим» князем [42, с. 89, 321]. В. Т. Пашуто убедительно предполагает, что речь идёт о ситуации, когда Довмонт отсутствовал в Пскове [37, с. 54]. Кстати, этот историк ещё и даёт объяснение изменениям позиций Ярослава и новгородцев по отношению к Довмонту гораздо более убедительное, чем Хрусталев. Для экономии места и времени отсылаю читателя к известному произведению В. Т. Пашуто...

Довмонту принадлежит большая роль в формировании самостоятельного псковского города-государства. Это хорошо уловил уже И. Д. Беляев, который с Довмонта начинал новый ряд псковских князей с «чисто псковским характером» [7, с. 227]³⁸. Князь этот в *позднем* западнорусском летописании назван «Утенским», т. е. Утены – населенный пункт в юго-восточной части «Литовской земли» – Нальшанской земли (Нальши) [41, стб. 859]³⁹.

Первым мероприятием этого князя, который просидит, вернее, славно поруководит псковичами на протяжении более тридцати лет, был поход на Литву, о котором кратко сказано в Псковской Первой летописи: «Ходил князь Домонт с мужи псковичи и плени землю Литовскую и погону побиша» [44, с. 13]⁴⁰. Новгородские летописи дают гораздо более подробное повествование, также как и житийный рассказ, включенный в текст Псковских Второй и Третьей летописей [45; 36]. Причём, если Повесть о Довмонте рассказывает об одном походе, то НПЛ сообщает ещё о двух, совершенных один за другим в короткий промежуток времени (статьи 6774, 6775). При этом последняя статья отразилась в целом ряде летописей более поздних, включая Никоновскую [36, с. 40, сн. 64]. В ряде летописей говорится о том, что во время этого похода «повоеваша Литву и Герденя убиша» [43, с. 236]⁴¹.

Из данных текстов иной раз делают вывод, что война не имела антилитовской направленности, а представляла собой дело мщения уязвленного литовского князя. Наверное, тут надо быть осторожнее: в какой-то момент присоединились и новгородцы с воеводой «Еулферьем Сбыславицем» [42, с. 315], а вряд ли они пошли только ради Довмонтовой мести. Впрочем, мщение князю Герденю вполне присутствует в летописном изложении. Нам довольно трудно понять в полной мере соотношение между собой Герденя и Довмонта. Довмонта Ипатьевская летопись⁴² называет нальшанским князем, а Герденя проходит как нальшанский князь в немецких документах [61, N. 106, s. 91–93]⁴³. Ясно, что в литовских землях

³⁶ В связи с такой точкой зрения стоит учесть показания поздних летописей, которые ничего не говорят о бегстве Довмонта младшего сына Миндовга, отмечают, что «... иде во Псков на другое лето (после пленения Войшелком литовской земли. – А. Д.) и княжиста во Пскове» [47, с. 595, 602.]

³⁷ В Пскове не было «стола», а Довмонт назван «князем» по рождению – литовский князь, а не псковский [53, с. 116]. Стол в городе был, псковичи изгоняли и приглашали князей.

³⁸ Собственно, это чувствует и А. В. Валеров: «пришлый князь, посаженный на стол самими псковичами, придавал Пскову статус суверенного государства» [9, с. 203].

³⁹ См.: Gudavičius E. Mindaugas. Vilnius: Lietuvos istorijos institutas, 1998. P. 146–154.

⁴⁰ Д. Г. Хрусталёв датирует этот поход на основании своего подхода к НПЛ началом лета 1265 г. См.: [53, с. 118].

⁴¹ А. В. Валеров несколько недоумевал: «Молчание псковских летописей в данных случаях объяснить трудно» [9, с. 201]. Полагаю, что объяснить это молчание можно только более широким кругозором летописцев главного города, тем более что эту короткую статью они стараются наполнить своим новгородским содержанием. Так, в Новгородской летописи по списку П. П. Дубровского статья дополнена: «А князь Юрьи с новгородци повоеваша Занаровье» [46, с. 98].

⁴² А. В. Кузьмин на этом основании, а также, упирая на то, что Довмонт был женат на родной сестре жены Миндовга, делает вывод о том, что Довмонт был выше по статусу, чем Герденя. См.: [25, с. 37–38]. Такой вывод вполне резонно опротестовал Д. Г. Хрусталёв [53, с. 352, сн. 428]. Он отметил, что Повесть представляет Герденя могущественным правителем восточных окраин (звучит несколько курьёзно! – А. Д.) Литвы, а поздние летописцы называют Довмонта только «кастелляном». Такие доказательства нас, конечно, не очень убеждают, но данных о том, что Довмонт был выше Герденя, у нас нет.

⁴³ В. Е. Данилевич затруднялся объяснением причин разрыва между Довмонтом и Герденем [17, с. 146]. Что ж, понять межплеменную борьбу человеку нового времени довольно трудно ...

они имели отношение к первобытной власти. Полагаю, что борьба эта носит многоплановый характер: противостояние литовскому натиску со стороны русских волостей вполне тут сопрягается с межплеменной ещё борьбой, характерной для литовского «центра». Стоит отметить, что удар, как это убедительно отмечено в литературе, был направлен именно на литовские территории, а не на полоцкие, к которым в ту пору имел отношение князь Гердень [37, с. 385–386; 1, с. 37]⁴⁴.

Довмонт фигурирует и в известном походе, приведшем к Раковорской битве. В 1268 г. новгородцы «сдумаша с князем своим Юрьем, хотеша идти на Литву, а инии на Полтеск, а инии за Нарову» [42, с. 85, 315]. Битва, как таковая, нас в контексте нашей темы, не интересует. Стоит только подчеркнуть, что она соответствовала данническим интересам самих псковичей, которые традиционно устремлялись именно сюда, а не в сторону Литвы. Полную самостоятельность проявляет Довмонт и в последующем походе в этот регион [3, с. 92].

С Довмонтом уже ближе к концу и века, и его жизни (он умер в 1299 г.) связывают некое псковско-литовское сближение [62, р. 13]. В этом смысле можно опереться на жалобы ливонских купцов: русские их грабят, а награбленное передают литовцам [63, по 388, с. 357–358]. И хоть сведения эти весьма неопределённые, но допустить это сближение вполне можно. Интенции Довмонта в качестве псковско-новгородского агента и были устремлены в сторону Ливонии, о чём свидетельствует документ, составленный дерптскими купцами в связи с покушениями на ганзейскую собственность со стороны новгородцев [60, с. 377–379]⁴⁵. Здесь и в конце столетия псковичи собирали дань, сталкиваясь в процессе её сбора с немцами⁴⁶. И не случайно его печать красуется на псковском документе, который сохранился в городском архиве Риги [16, № 331, с. 317]⁴⁷.

О сближении псковского князя литовского происхождения с литвой в это время может свидетельствовать и следующее обстоятельство. А. В. Валеров высказал интересное соображение о том, что в 80-е – первой половине 90-х гг. Довмонт, который взял сторону Дмитрия Александровича, оказался в конфликте с Новгородом, оказавшим помощь Андрею Александровичу [9, с. 13]⁴⁸. Довмонт стал зятем Дмитрия, что только усилило их союз: «... изгони Домонт Ладогу ис Копорья, и поймаша все княз товар Дмитриев и задроша и ладозского («товару». – *А.Д.*)...» [42, с. 324]⁴⁹. Как раз в это время «Литва воеваша волость» новгородскую [42, с. 326]. Может быть, это и совпадение, но можно предположить, что Довмонт использовал старое оружие в этой возне потомков Александра Невского⁵⁰. И, всё-таки, полагаю, что глубину конфликта между Псковом и Новгородом преувеличивать не стоит. Когда в 1299 г. Довмонт умер «в своей постели» в Пскове, успев годом ранее ещё и немцев отогнать от Пскова, то новгородский летописец отметил, что «преставися Домонт, князь Плесковський, и много пострадав за святую Софею и за святую Троицю» [42, с. 330]. По достоинству надо оценить и тот факт, что новгородцы категорически не поддержали князя Ярослава в его походе на Псков 1266 г. [42, с. 85, 315].

Стоит, пожалуй, отбросить две надуманные версии: о вхождении Новгорода и Пскова в это время в какую-либо политическую систему – Великого княжения Владимирского или формирующегося ВКЛ. Чтобы обнаружить такие «системы», исследователям приходится идти на всякие ухищрения, например, различать «литовского князя» или князя, посаженного из «литовской руки» [54, с. 7]. По мысли

⁴⁴ Со времён В. Е. Данилевича бытует точка зрения, что поход был направлен на Полоцк [17, с. 147]. С. Роуэлл упирает на то, что засада была устроена на Двине, что свидетельствует об атаке на Полоцк [62, р. 7, note 32]. Полагаю, что хоть Псков в ту пору не был в союзе с Полоцком, оснований для таких утверждений нет, поскольку ни Полоцк, ни полочане в известиях никак не фигурируют.

⁴⁵ С. Роуэлл довольно убедительно датирует этот документ 1271 г. [62, р. 14]. Но его идентификация участников этого мероприятия довольно спорна. Почему, например, «Wezcele» – Василий Ярославич, сын великого князя?

⁴⁶ «... Избиша Немцы пскович на дани у Вольсту», – сообщает Псковская 1-я летопись под 1284 г. [44, с. 14].

⁴⁷ Найдена его печать и в Новгороде. См.: [56, с. 242–244].

⁴⁸ Кстати, эта родственная связь включала псковского князя в великую цепь: «великим князем Александром и сыном его Дмитрием и зятем его Довмонтом спасен бысть Новеград и Псков от нападания поганых Немец» [44, с. 4].

⁴⁹ А. В. Валеров поддерживает версию Л. В. Столяровой о том, что этот брак состоялся в 1281/1282 гг. Однако в 1282 г. Довмонт уже бьётся «не на живот, а на смерть» за интересы Дмитрия. Так что эта женитьба состоялась скорее всего до 1282 г., как и предполагает С. Роуэлл [62, р. 16]. Интересна судьба Копорья: великий князь вернул её новгородцам, они её разрушили, потом отстроили ... и включили в число пригородов, переданных под управление литовским князьям.

⁵⁰ Впрочем, надо обязательно видеть, что это по-прежнему была борьба волостей, вполне напоминающая то, что было в Киевской Руси.

А. А. Горского, в XIII–XIV вв. Псков признавал «сюзеринитет» великого князя Владимирского, но после событий 1322–1323 гг. заключил союз с Литвой. Потом великокняжеский суверенитет снова был восстановлен на короткий срок, а затем – через какое-то время – окончательно [15, с. 50–51]. Эта схема выглядит надуманной.

Сам В. Л. Янин признал, что пришедший в Псков после смерти Довмонта Федор Михайлович дан был не только князем Андреем, но и «всем Новгородом» [57, с. 154]. О князьях после него знаем слишком мало, чтобы делать какие-то твёрдые выводы, зато можно заметить формирование такого института, как посадничество. Можно сомневаться в категоричности вывода И. О. Колосовой о возникновении в это время «самобытного» посадничества, но подвижки в этой области очевидны [22, с. 4–15]. Однако, конституирование посадничества в самостоятельный институт произошло не сразу, а длилось на протяжении всего XIV в. [35, с. 162–163; 4, с. 34–35].

Псковичи в это время стараются разыгрывать тверскую карту, фактически, вместе с новгородцами влезают в сложные и кровавые московско-тверские отношения. Не анализируя подробно эту ситуацию, отметим, что всё было вполне в духе нашей древней поговорки – «в чужом пиру похмелье». И дело, видимо, не только в обидах на тверских князей в связи с тем, что из-за них на Северо-Западе не хватало продовольствия [9, с. 227–228], а и в том, что они уж точно были не самостоятельные князья, а тверские наместники, что явно не удовлетворяло общину, стремящуюся к самостоятельности. Впрочем, не устроил их и Юрий Данилович в ходе своих военных неудач оказавшийся в Пскове. Гораздо более желательной фигурой оказался литовский князь Давыд Городенский, прибывший в город в 1322 г. [44, с. 15; 45, с. 22, 89]. Вовремя в судьбу Псковской земли вмешался и другой литовский князь – Евстафий, который сидел в Изборске. В тот момент, когда Давыд, видимо, пошёл за подмогой в Литву, этот князь отогнал немцев от Пскова.

Как показал Г.-Ю. Грабмюллер, псковское летописание первой половины XIV в. основано на пролитовской ориентации [58, с. 150–151]. Так что связь бедового Александра Михайловича Тверского с Литвой сыграла свою роль в той настойчивости, с которой псковичи желали видеть его своим князем⁵¹. Когда он «вбежа» в Псков, они тут же «посадиша» его на княжение. Под давлением Ивана Даниловича, с товарищами и с Новгородом, они, скрепя сердце, снова отпустили его в Литву, а потом снова посадили на стол [42, с. 98, 341; 44, с. 16; 45, с. 23, 92]. Но главное – не его литовские связи, а стремление псковичей иметь собственного самостоятельного князя, а не какого-то там наместника. Пытались они найти такого князя среди литовцев и позже, когда в 1342 г. псковичи посылают послов в Витебск к Ольгерду с просьбой о помощи в борьбе с немцами. Эту помощь им не хотели оказать новгородцы [44, с. 18; 45, 24, 92].

Такие пролитовские интенции и дальше напрягали псковско-новгородские отношения⁵². И это напряжение, судя по всему, поднимается на новый уровень. Об этом свидетельствует и мощный церковный конфликт 1331 г., когда псковичи попытались вырваться из церковной власти новгородского архиепископа [29, с. 207–217]. Нам сейчас в этом конфликте стоит отметить то, что претендент на самостоятельную псковскую кафедру ехал не только от самого Пскова, но и от имени литовского князя [42, с. 343].

Процессы во власти сопрягались и с формированием Псковской волости с системой пригородов. Правда, и в конце XIII–XIV вв. Псков входил в Новгородскую волость: под 1270 г. сказано: «И совокупишася ... вся власть Новгородская: Псковичи, Ладожане, Корела, Ижора, Вожане». Подобное известие содержится и под 1316 г. [42, с. 89, 321, 95, 337]. Это ли не подтверждение вхождения Пскова в волость «старшего брата»⁵³? Что касается системы пригородов, то характерной чертой Пскова «является отсутствие в её пределах городских центров, сколько-нибудь сравнимых с Псковом, и их малое количество вообще до конца XIV в.» [2, с. 102].

Среди тех причин, которые могли вызвать такую специфику, можно иметь в виду и сдерживающее влияние старшего «товарища» – Новгорода. Хотя, я думаю, что главная причина таится ещё в

⁵¹ Нельзя согласиться с А. А. Горским в том, что князь был *вассалом* великого князя литовского. См.: [14, с. 40]. К счастью, наши предки в Восточной Европе в такие девиантные отношения между собой не вступали [9, с. 246].

⁵² Как отметил В. А. Буров, дело не в том, что новгородцы переживали за великое владимирское княжение. Они опасались в данном контексте литвы только потому, что боялись отложения Пскова. См.: [39, с. 209].

⁵³ Касательно этих летописных известий В. Л. Янин поступил достаточно просто: дескать, летописец применил летописный *шаблон*, который выработал при описании событий предшествующего века [54, с. 12]. Но, если так воспринимать летопись, то тогда её можно трактовать как угодно ...

родоплеменном устройстве псковских кривичей, у которых не было такого племенного разнообразия, как в других землях, а посему и городов возникло меньше – мало было племенных центров. Надо учесть и силу центральной городской общины, на что, собственно, и обратил внимание А. Р. Артемьев. Здесь вполне допустимы сравнения с соседними Полоцком и Смоленском. В Полоцкой земле городов было много, и она рано подверглась волостному дроблению, а в Смоленской мало и они так и оставались в сфере влияния главного города земли [19, с. 94].

Тем не менее, система пригородов, как результат освоения окружающего пространства, формируется и в Псковской «области». Был освоен Изборск – город древний, в котором в своё время сидел легендарный Трувор [42, с. 106, 434, 514]. Как шёл этот процесс, мы можем только гадать, вернее, судить по материалам других волостей/земель Руси, но в 30-е годы XII в. псковичи несут на себе бремя ответственности за этот пригород: здесь была «изымана» ими «Борисова чадь», а когда в Псков пришла весть о взятии пригорода немцами, «выидоша пльсковичи вси и бишася с ними» [42, с. 72, 282; 77, 294, 449]. Как Псков сам форпост Руси, так Изборск прикрывает подходы к Пскову – сюда идут немцы [42, с. 354–355], причём, «воеваша около Изборьска волость всю псковскую и до Великой реки» [42, с. 369–370]. Вот она – уже фактически оформившаяся Псковская волость, как и положено, со своими границами-рубежами и обменом послами с тем же Новгородом [42, с. 369]. Известный документ «А се имена всем градом руским, далним и ближним» рисует уже целостную систему пригородов Пскова [42, с. 477]. Если к нему присовокупить Псковские летописи со сведениями об этих и некоторых других населенных пунктах, то ясно видно, что в полной мере волостная структура здесь сформировалась только в XIV в. И, несмотря на то что вокруг этих пригородов к концу века формируются свои волости, Псковская система пригородов сохраняет единство и в следующем столетии. Это ещё один довод в пользу того, что сторонники раннего отделения Пскова от Новгорода не правы, ведь волостная система – один из важнейших симптомов вызревания города-государства. Вот сцена 1441 г.: «Совокупивше псковичи свою власть и вси пригороды, и поидоша на Новгородскую волость князю великому в помощь и воеваша Новгородскую власть» [44, с. 45]⁵⁴.

Итак, в конце рассматриваемого периода можно уже ясно увидеть в имеющихся источниках факт формирования псковской политики. И здесь нельзя не сказать о пресловутом Болотовском «договоре», вокруг которого в последние десятилетия сломано так много копий. Причём, если у дореволюционных и большинства советских историков споры вызывало само значение этого пожалования, то в последние десятилетия мысль билась вокруг его датировки [38, с. 64]. Нет смысла в очередной раз приводить историографические наблюдения. Меня лично вполне убедили новейшие выводы Н. А. Петровой. Свежим взглядом она прочитала летописные известия, обратив внимание на ключевое слово «топерво», которое означает «теперь, теперь в первый раз, только что» [48, стб. 1768; 20, с. 442]. Этому раньше почему-то не придавали значения. А ещё исследовательница акцентировала данные Софийской I летописи, в которой сказано, что пожалование было сделано как раз в том самом 1348 г. по дороге к Ореховцу, где и противостояли друг другу русские и немецкие рати. Н. А. Петрова нашла на этом пути в писцовой книге дедовно Болотово и выстроилась довольно стройная гипотеза [38, с. 69–70].

Но тогда возникает естественный вопрос, а что же это за «договор»? Новгородцы дают некую «жалобу», которую псковичи тут же проигнорировали и ушли не под покровом темноты, а днём, «оудари в трубы, в бубны и в посвистили», т. е. производя эдакий торжествующий шум. Чем, кстати, вызвали гомерический хохот немцев. Что же это за договор такой?! Не грех бросить взгляд и на его содержание. Посвящён он сугубо судебным вопросам: суду посадника и суду владыки, которые, якобы, теперь должны осуществлять псковские персонажи, а также обещанию из Новгорода псковичей не призывать с помощью новгородских чиновников, перечисленных в летописи [43, с. 278]. Лексика «договора», что не раз отмечалось, содержит термины более позднего времени, что уже само по себе настоятельно требует. Да и Софийская Первая летопись отмечает, что в «договоре» Псков прямо назван «молодшим братом».

О посадниках псковских мы мало знаем, к этому времени они явно уже стали псковичами. Однако, как уже отмечалось выше, эта система сформировалась лишь к концу столетия. Новгородские владыки продолжали приезжать в Псков – один из них и смерть нашёл через это, приехав в пандемию. Союзнические отношения между Псковом и Новгородом временами нарушались, потом возобновлялись. В этом смысле С. И. Колотилова была, видимо, права: в полной мере «братские отношения»

⁵⁴ Во второй летописи: «совокупивше вся своя силы» [45, с. 46].

между Псковом и Новгородом не исчезли и в XIV в. В общем, продолжая анализ Н. А. Петровой, хочу сделать более кардинальный вывод: никакого Болотовского договора и вовсе не было, это некая научная фикция. Да выделение новых волостей из старых в Древней Руси и не принято было оформлять какими-либо договорами.

Подводя некоторые итоги и вспомнив те историографические полюса, о которых сказано в начале, можем сказать, что истина где-то посередине. Долгие и трудные годы псковской политики были успешными. Но специфика региона такова, что Псков так до конца и не вырвался из объятий своего «старшего брата»-гиганта. Особенно эта связь бросается в глаза в области церковных отношений, но не стоит её преуменьшать и в других сферах. Тем не менее, вряд ли кто-нибудь будет утверждать, что в XV в. Псков не был отдельным и самостоятельным городом-государством ...

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ.

1. Александров Д. Н., Володихин Д. М. Борьба за Полоцк между Литвой и Русью в XII–XVI вв. М.: «Аванта +», 1994. 134 с.
2. Артемьев А. Р. Градостроительная политика Псковской феодально-вечевой республики // Краткие сообщения Института Археологии. 1987. Вып. 190. С. 102–105.
3. Афанасьев С. А. Община и князь в Древнем Пскове в XII–XIII вв. // Вестник ЛГУ. Сер. 2. История, языковедение, литературоведение. 1990. Вып. 3. № 16. С. 90–93.
4. Белецкий С. В. Властные структуры средневекового Пскова (по памятникам сфрагистики и данным Псковской Судной грамоты) // Вспомогательные исторические дисциплины / Высшая школа, исследовательская деятельность, общественные организации. М., 1994. С. 34–37.
5. Белецкий С. В., Сатырева Д. Н. Псков и Орден в первой трети XIII века // Князь Александр Невский и его эпоха. Исследования и материалы. СПб., 1995. С. 81–85.
6. Белецкий С. В. Псков в эпоху викингов по данным археологии // Висы дружбы. Сб. статей в честь Т. Н. Джаксон. М.: Университет Дмитрия Пожарского, 2011. С. 48–55.
7. Беляев И. Д. Рассказы из русской истории. Кн. 3: История города Пскова и Псковской земли. М.: Синодальная типография, 1867. 449 с.
8. Буров В. А. Очерки истории и археологии средневекового Новгорода. М.: [Б. и.], 1994. 220 с.
9. Валеров А. В. Новгород и Псков. Очерки политической истории Северо-Западной Руси XI–XIV веков. СПб.: Алетейя, 2004. 315 с.
10. Генрих Латвийский. Хроники Ливонии. / Введение, перевод и комментарии С. А. Аннинского. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1938. 608 с.
11. Гимон Т. В. Отражение в новгородском летописании XII–XIII вв. новгородских событий // Восточная Европа в древности и средневековье: Контакты, зоны контактов и контактные зоны: XI чтения памяти чл.-корр. АН СССР В.Т. Пашуто, Москва, 14–16 апреля 1999 г.: Материалы конференции. М.: ИВИ РАН, 1999. С. 139–144.
12. Гимон Т. В. Военная история Балтийского региона в XII–XIII вв. и новгородское летописание // Висы дружбы. Сб. статей в честь Т. Н. Джаксон. М.: Университет Дмитрия Пожарского, 2011. С. 74–82.
13. Горский А. А. Рец. на: Алексеев Ю. Г. Псковская судная грамота и её время. Развитие феодальных отношений на Руси XIV–XV вв. Л.: Наука, 1980. 244 с. // История СССР. 1982. № 1. С. 165–169.
14. Горский А. А. Москва, Тверь и Орда в 1300–1339 годах // Вопр. истории. 1995. № 4. С. 34–46.
15. Горский А. А. Русские земли в XIII–XIV веках. Пути политического развития. М.: ИРИ РАН, 1996. 128 с.
16. Грамоты Великого Новгорода и Пскова / под. ред. С. Н. Валка. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949. 407 с.
17. Данилевич В. Е. Очерк истории Полоцкой земли до конца XIV столетия. Киев: Тип. Имп. ун-та Св. Владимира, 1891. 288 с.
18. Дворниченко А. Ю. Русские земли Великого княжества Литовского (до начала XVI века). Очерки истории общины, сословий и государственности. М.: Аргамак-Медиа, 2013. 240 с.
19. Дворниченко А. Ю. Городская община Верхнего Поднепровья и Подвинья в XI–XV вв. М.: Весь Мир, 2013. 232 с.
20. Зализняк А. А. Древненовгородский диалект. М.: Языки славянской культуры, 2004. 872 с.
21. Зимин А. А. О хронологии договорных грамот Великого Новгорода // Проблемы источниковедения. Вып. 5. 1956. С. 300–327.
22. Колосова И. О. Печати Григория Климовича (К вопросу о характере псковско-новгородских отношений во второй половине XIII – начале XIV вв.) // Псковская земля в XII–XIV вв. Псков, 1992. С. 14–15.
23. Колотилова С. И. К вопросу о положении Пскова в составе Новгородской феодальной республики // История СССР. 1975. № 2. С. 145–152.
24. Конявская Е. Л. Ярослав Ярославич // Большая Российская Энциклопедия. URL: <https://bigenc.ru/c/iaroslav-iaroslavich-e761d6> (дата обращения 20.10.2023)

25. Кузьмин А. В. Опыт комментария к актам Полоцкой земли второй половины XIII – начала XV в. // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2007. № 2 (28). С. 33–42.
26. Кучкин В. А. Александр Невский – государственный деятель и полководец средневековой Руси // Отечественная история. 1996. № 5. С. 18–33.
27. Лабутина И. К., Кулакова М. И. Псков в XIII веке (археологические наблюдения по динамике расселения и строительство) // Русь в XIII в.: Древности темного времени. М.: Наука, 2003. С. 66–83.
28. Матузова В. И., Назарова Е. Л. Крестоносцы и Русь. Конец XII –1270 г. Тексты, перевод, комментарии. М.: Индрик, 2002. 488 с.
29. Мацуки Ейзо. Избрание и поставление Василия Калики на новгородское владичество в 1330–1331 гг. // Великий Новгород в истории средневековой Европы. К 70-летию В. Л. Янина. М.: Русские словари, 1999. С. 207–217.
30. Назарова Е. Л. Место Ливонии в отношениях между Новгородом и Псковом в 1 четверти XIII в. // Историческая археология. Традиции и перспективы. К 80-летию со дня рождения Д. А. Авдусина. М.: Памятники исторической мысли, 1998. С. 348–359.
31. Назарова Е. Л. Псков и Ливония в 40-90-е годы XIII в. // Civitas et castrum ad Mare Balticum. Baltijas arheologijas un vestures problemas dzelzs laikmeta un viduslaikos. Сб. ст. к 65-летию хабилированного доктора исторических наук Андриса Цауне. Рига, 2002. С. 591–609.
32. Назарова Е. Л. К истории псковско-литовского договора 1228 г. // Восточная Европа в древности и средневековье. Международная договорная практика Древней Руси. IX Чтения памяти В. Т. Пашуто. М.: ИВИ РАН, 1997. С. 47–49.
33. Насонов А. Н. «Русская земля» и образование территории Древнерусского государства. М.: Наука, 1951. 261 с.
34. Никитский А. И. Очерк внутренней истории Пскова. СПб.: Тип. К. Замысловского, 1873. 344 с.
35. Никонов С. А. Рец. на: Валеров А. В. Новгород и Псков. Очерки политической истории Северо-Западной Руси XI–XIV веков. СПб.: Алетейя, 2004. 315 с. // Вестник Удмуртского ун-та. История. 2007. № 7. С. 159–168.
36. Охотникова В. И. Повесть о Довмонте. (Исследование и тексты). Л.: Наука, 1985. 232 с.
37. Пашуто В. Т. Образование Литовского государства. М.: Изд-во АН СССР, 1959. 531 с.
38. Петрова Н. А. К вопросу о датировке Болотовского договора // Российская история. 2020. № 4. С. 64–70.
39. Письма читателей (В. А. Буров, В. Л. Янин, С. А. Кислицын) // Отечественная история. 1993. № 6. С. 208–210.
40. Полное собрание русских летописей. М.: Языки русской культуры, 1997. Т. 1: Лаврентьевская летопись. 733 с.
41. Полное собрание русских летописей. М.: Языки русской культуры, 1998. Т. 2: Ипатьевская летопись. 606 с.
42. Полное собрание русских летописей. М.: Языки русской культуры, 2000. Т. 3: Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. 723 с.
43. Полное собрание русских летописей. М.: Языки русской культуры, 2000. Т. 4, ч. 1: Новгородская четвертая летопись. 728 с.
44. Полное собрание русских летописей. М.: Языки русской культуры, 2003. Т. 5. Вып. 1: Псковские летописи. 256 с.
45. Полное собрание русских летописей. М.: Языки русской культуры, 2000. Т. 5. Вып. 2: Псковские летописи. 368 с.
46. Полное собрание русских летописей. М.: Языки русской культуры, 2004. Т. 43: Новгородская летопись по списку П.П. Дубровского. 368 с.
47. Полное собрание русских летописей. М.: Языки славянских культур, 2008. Т. 17: Западнорусские летописи. 383 с.
48. Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. Т. 2. СПб.: Тип. Имп. Академии наук, 1902. 1802 стб.
49. Феннел Дж. Кризис средневековой Руси 1200–1304. М.: Прогресс, 1989. 240 с.
50. Фроянов И. Я., Дворниченко А. Ю. Города-государства Древней Руси. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1988. 269 с.
51. Фроянов И. Я. Лекции по русской истории. Киевская Русь. СПб.: Русская коллекция, 2015. 1048 с.
52. Хрусталёв Д. Г. Северные крестоносцы. Русь в борьбе за сферы влияния в Восточной Прибалтике XII–XIII вв. Т. 1. СПб.: ЕВРАЗИЯ, 2009. 416 с.
53. Хрусталёв Д. Г. Северные крестоносцы. Русь в борьбе за сферы влияния в Восточной Прибалтике XII–XIII вв. Т. 2. СПб.: ЕВРАЗИЯ, 2009. 464 с.
54. Янин В. Л. «Болотовский» договор о взаимоотношениях Новгорода и Пскова в XII–XIV вв. // Отечественная история. 1992. № 6. С. 3–14.
55. Янин В. Л. Новгородские посадники. М.: Языки славянской культуры, 2003. 512 с.
56. Янин В. Л. Вислые печати Пскова // Советская археология. 1960. № 3. С. 236–261.
57. Янин В. Л. Новгородские акты XII–XV вв. Хронологический комментарий. М.: Наука, 1990. 384 с.
58. Grabmüller H.-J. Die Pskover Chroniken. Untersuchungen zur russischen Regionalchronistik im 13.–15. Jahrhundert. Wiesbaden, 1975. 240 s.
59. Gudavičius E. Mindaugas. Vilnius: Zara, 1998. 359 p.
60. Hansisches Urkundenbuch / Bearbeitet von K. Höhlbaum. Bd. 1. Halle, 1876. 524 s.
61. Preußischen Urkundenbuch / Bearb. August Seraphim. Königsberg, 1909. Bd. 1. H. 2. 724 s.

62. Rowell S. C. Between Lithuania and Rus': Dovmont-Timofey of Pskov, his life and Cult // Oxford Slavonic Papers. New series. Oxford, 1992. Vol. XXV. P. 1–33.
63. Urkundenbuch Der Stadt Lübeck. Vol. 1. Lübeck: F. Asfchenfeldt, 1843. 767 s.

Поступила в редакцию 18.02.2024

Дворниченко Андрей Юрьевич, доктор исторических наук, профессор,
заведующий кафедрой истории России с древнейших времен до XX века
ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный университет»
199034, Россия, г. Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9
E-mail: a.dvornichenko@spbu.ru

A.Yu. Dvornichenko

**EMERGENCE OF THE PSKOV POLITY (XII – FIRST HALF OF THE XIV CENTURY):
EXTERNAL FACTORS AND INTERNAL PROCESSES**

DOI: 10.35634/2412-9534-2024-34-3-611-626

There is no due attention in the traditions of Froyanov school to the process of appearance of Pskov city-state, to the formation of this Polity in the context of complex mutual relations between Pskov and its “senior brother” Great Novgorod. There are two historiographical asunder poles in the approach to this problem. Some historians try to excessively hasten the process of separation of Pskov land (volost) from Novgorod. Some other scholars do not want to observe this process at all. Meanwhile a truth as usually is in the middle of the space of these poles. The Pskov history is very archaic. The process of separation of Pskov into an independent city-state begun quite late and is connected not only with some internal processes, but also with external factors, in particular with the colonial policy in the region of Baltic Sea. However, Pskov could not break its connection with Novgorod till late times.

Keywords: city-states, Pskov, Novgorod, the Pskov volost, internal processes, external policy.

REFERENCES

1. Aleksandrov D. N., Volodikhin D. M. Bor'ba za Polotsk mezhdru Litvoi i Rus'iu v XII–XVI vv. [The struggle for Polotsk between Lithuania and Russia in the 12th–16th centuries.]. Moscow, Avanta + Publ., 1994, 134 p. (In Russian)
2. Artem'ev A. R. Gradostroitel'naia politika Pskovskoi feodal'no-vechevoi respubliki [Urban planning policy of the Pskov feudal-veche republic]. Kratkie soobshcheniia Instituta Arkheologii, 1987, issue 190, pp. 102–105. (In Russian)
3. Afanas'ev S. A. Obshchina i kniaz' v Drevnem Pskove v XII–XIII vv. [Community and prince in Ancient Pskov in the 12th–13th centuries]. Vestnik LGU. Serii 2. Istorii, iazykoznanie, literaturovedenie, 1990, issue 3, no 16, pp. 90–93. (In Russian)
4. Beletskii S. V. Vlastnye struktury srednevekovogo Pskova (po pamiatnikam sfragistiki i dannym Pskovskoi Sudnoi gramoty) [Power structures of medieval Pskov (based on sphragistic monuments and data from the Pskov Judgment Charter)]. Vspomogatel'nye istoricheskie distsipliny / Vysshiaia shkola, issledovatel'skaia deiatel'nost', obshchestvennye organizatsii [Auxiliary historical disciplines / Higher school, research activities, public organizations]. Moscow, 1994, pp. 34–37. (In Russian)
5. Beletskii S. V., Satyreva D. N. Pskov i Orden v pervoi treti XIII veka [Pskov and the Order in the first third of the 13th century]. Kniaz' Aleksandr Nevskii i ego epokha. Issledovaniia i materialy [Prince Alexander Nevsky and his era. Research and materials]. St. Petersburg, 1995, pp. 81–85. (In Russian)
6. Beletskii S. V. Pskov v epokhu vikingov po dannym arkheologii [Pskov in the Viking Age according to archeology]. Visy družhby. Sb. statei v chest' T. N. Dzhakson [Friendship vises. Collection of articles in honor of T. N. Jackson]. Moscow, Universitet Dmitriia Pozharskogo Press, 2011, pp. 48–55. (In Russian)
7. Beliaev I. D. Rasskazy iz russkoi istorii. Kn. 3: Istorii goroda Pskova i Pskovskoi zemli [Stories from Russian history. Book 3: History of the city of Pskov and Pskov land]. Moscow, Sinodal'naia tipografiia Publ., 1867, 449 p. (In Russian)
8. Burov V. A. Ocherki istorii i arkheologii srednevekovogo Novgoroda [Essays on the history and archeology of medieval Novgorod]. Moscow, [Without publisher], 1994, 220 p. (In Russian)
9. Valerov A. V. Novgorod i Pskov. Ocherki politicheskoi istorii Severo-Zapadnoi Rusi XI–XIV vekov [Novgorod and Pskov. Essays on the political history of North-Western Rus' of the 11th–14th centuries]. St. Petersburg, Aleteiia Publ., 2004, 315 p. (In Russian)
10. Genrikh Latviiskii. Khroniki Livonii [Chronicles of Livonia] / Vvedenie, perevod i kommentarii S. A. Anninskogo [Introduction, translation and comments by S. A. Anninsky]. Moscow; Leningrad, Izdatel'stvo AN SSSR, 1938, 608 p. (In Russian)

11. *Gimon T. V.* Otrazhenie v novgorodskom letopisanii XII–XIII vv. nenovgorodskikh sobytii [Reflection in the Novgorod chronicle of the 12th–13th centuries. Nenovgorod events]. *Vostochnaia Evropa v drevnosti i srednevekov'e: Kontakty, zony kontaktov i kontaktnye zony: XI chteniia pamiati chl.-korr. AN SSSR V.T. Pashuto, Moskva, 14-16 apreliia 1999 g.: Materialy konferentsii* [Eastern Europe in antiquity and the Middle Ages: Contacts, contact zones and contact zones: XI readings in memory of corresponding member. USSR Academy of Sciences V. T. Pashuto, Moscow, April 14-16, 1999: Conference materials]. Moscow, IVI RAN Press, 1999, pp. 139–144. (In Russian)
12. *Gimon T. V.* Voennaia istoriia Baltiiskogo regiona v XII–XIII vv. i novgorodskoe letopisanie [Military history of the Baltic region in the 12th–13th centuries and Novgorod chronicles]. *Visy družby. Sb. statei v chest' T. N. Dzhakson* [Friendship vises. Collection of articles in honor of T. N. Jackson]. Moscow, Universitet Dmitriia Pozharskogo Press, 2011, pp. 74–82. (In Russian)
13. *Gorskii A. A.* Rets. na kn. Iu. G. Alekseeva «Pskovskaia sudnaia gramota i ee vremia» [Rec. on the book Yu. G. Alekseeva “Pskov Judgment Charter and Its Time”]. *Istoriia SSSR*, 1982, no 1, pp. 165–169. (In Russian)
14. *Gorskii A. A.* Moskva, Tver' i Orda v 1300–1339 godakh [Moscow, Tver and Horde in 1300–1339]. *Voprosy istorii*, 1995, no 4, pp. 34–46. (In Russian)
15. *Gorskii A. A.* Russkie zemli v XIII–XIV vekakh. Puti politicheskogo razvitiia [Russian lands in the XIII–XIV centuries. Paths of political development]. Moscow, IRI RAN Press, 1996, 128 p. (In Russian)
16. *Gramoty Velikogo Novgoroda i Pskova* [Certificates of Veliky Novgorod and Pskov]. Ed by S. N. Valk. Moscow; Leningrad, Izdatel'stvo AN SSSR, 1949, 407 p. (In Russian)
17. *Danilevich V. E.* Ocherk istorii Polotskoi zemli do kontsa XIV stoletii [Essay on the history of Polotsk land until the end of the 14th century]. Kiev, Tip. Imperatorskogo Universiteta Sv. Vladimira Press, 1891, 288 p. (In Russian)
18. *Dvornichenko A. Yu.* Russkie zemli Velikogo kniazhestva Litovskogo (do nachala XVI veka). Ocherki istorii obshchiny, soslovii i gosudarstvennosti [Russian lands of the Grand Duchy of Lithuania (until the beginning of the 16th century). Essays on the history of the community, estates and statehood]. Moscow, Argamak-Media Publ., 2013, 240 p. (In Russian)
19. *Dvornichenko A. Yu.* Gorodskaia obshchina Verkhnego Podneprov'ia i Podvin'ia v XI–XV vv. [Urban community of the Upper Dnieper and Podvinia in the 11th–15th centuries]. Moscow, Ves' Mir Publ., 2013, 232 p. (In Russian)
20. *Zalizniak A. A.* Drevnenovgorodskii dialekt [Drevnenovgorod dialect]. Moscow, Iazyki slavianskoi kul'tury Publ., 2004, 872 p. (In Russian)
21. *Zimin A. A.* O khronologii dogovornykh gramot Velikogo Novgoroda [On the chronology of treaty documents of Veliky Novgorod]. *Problemy istochnikovedeniia*, issue 5, 1956, pp. 300–327. (In Russian)
22. *Kolosova I. O.* Pechati Grigoriia Klimovicha (K voprosu o kharaktere pskovsko-novgorodskikh otnoshenii vo vtoroi polovine XIII – nachale XIV vv.) [Seals of Grigory Klimovich (On the question of the nature of Pskov-Novgorod relations in the second half of the 13th – early 14th centuries)]. *Pskovskaia zemlia v XII–XIV vv. [Pskov land in the XII–XIV centuries]*. Pskov, 1992, pp. 14–15. (In Russian)
23. *Kolotilova S. I.* K voprosu o polozhenii Pskova v sostave Novgorodskoi feodal'noi respubliki [On the issue of the position of Pskov within the Novgorod feudal republic]. *Istoriia SSSR*, 1975, no 2, pp. 145–152. (In Russian)
24. *Koniavskaiia E. L.* Iaroslav Iaroslavich [Yaroslav Yaroslavich]. *Bol'shaia Rossiiskaia Entsiklopediia*. <https://bi-genc.ru/c/iaroslav-iaroslavich-e761d6> (access date 10/20/2023)
25. *Kuz'min A. V.* Opyt kommentarii k aktam Polotskoi zemli vtoroi poloviny XIII – nachala XV v. [Experience of commentary on the acts of the Polotsk land of the second half of the 13th – early 15th centuries]. *Drevniaia Rus'. Voprosy medievistiki*, 2007, no 2 (28), pp. 33–42. (In Russian)
26. *Kuchkin V. A.* Aleksandr Nevskii – gosudarstvennyi deiatel' i polkovodets srednevekovoi Rusi [Alexander Nevsky – statesman and commander of medieval Rus']. *Otechestvennaia istoriia*, 1996, no 5, pp. 18–33. (In Russian)
27. *Labutina I. K., Kulakova M. I.* Pskov v XIII veke (arkheologicheskie nabliudeniia po dinamike rasseleniia i stroitel'stvo) [Pskov in the 13th century (archaeological observations on settlement dynamics and construction)]. *Rus' v XIII v.: Drevnosti temnogo vremeni* [Rus' in the 13th century: Antiquities of the Dark Ages]. Moscow, Nauka Publ., 2003, pp. 66–83. (In Russian)
28. *Matuzova V. I., Nazarova E. L.* Krestonostsy i Rus'. Konets XII –1270 g. Teksty, perevod, kommentarii [Crusaders and Rus'. End of XII –1270 Texts, translation, comments]. Moscow, Indrik Publ., 2002, 488 p. (In Russian)
29. *Matsuki Eizo.* Izbranie i postavlenie Vasiliia Kaliki na novgorodskoe vladychestvo v 1330–1331 gg. [Election and installation of Vasily Kalika over Novgorod rule in 1330–1331]. *Velikii Novgorod v istorii srednevekovoi Evropy. K 70-letiiu V. L. Ianina* [Veliky Novgorod in the history of medieval Europe. To the 70th anniversary of V. L. Yanin]. Moscow, Russkie slovari Publ., 1999, pp. 207–217. (In Russian)
30. *Nazarova E. L.* Mesto Livonii v otnosheniakh mezhdru Novgorodom i Pskovom v 1 chetverti XIII v. [The place of Livonia in relations between Novgorod and Pskov in the 1st quarter of the 13th century]. *Istoricheskaia arkhologia. Traditsii i perspektivy. K 80-letiiu so dnia rozhdeniia D. A. Avdusina* [Historical archeology. Traditions and prospects. To the 80th anniversary of the birth of D. A. Avdusin]. Moscow, Pamiatniki istoricheskoi mysli Publ., 1998, pp. 348–359. (In Russian)
31. *Nazarova E. L.* Pskov i Livoniia v 40-90-e gody XIII v. [Pskov and Livonia in the 40-90s of the 13th century]. *Civitas et castrum ad Mare Balticum. Baltijas arheologijas un vestures problemas dzelzs laikmeta un viduslaikos. Sbornik*

- statei k 65-letiiu khabilitirovannogo doktora istoricheskikh nauk Andrisa Tsaune [Civitas et castrum ad Mare Balticum. Baltic archeology and vesture problems in the Iron Age and the Middle Ages. Collection of articles for the 65th anniversary of the habilitated Doctor of Historical Sciences Andris Caune]. Riga, 2002, pp. 591–609. (In Russian)
32. *Nazarova E. L.* K istorii pskovsko-litovskogo dogovora 1228 g. [On the history of the Pskov-Lithuanian treaty of 1228]. *Vostochnaia Evropa v drevnosti i srednevekov'e. Mezhdunarodnaia dogovornaia praktika Drevnei Rusi. IX Chteniia pamiati V. T. Pashuto* [Eastern Europe in antiquity and the Middle Ages. International contractual practice of Ancient Rus'. IX Readings in memory of V. T. Pashuto]. Moscow, IVI RAN Press, 1997, pp. 47–49. (In Russian)
33. *Nasonov A. N.* «Russkaia zemlia» i obrazovanie territorii Drevnerusskogo gosudarstva [“Russian land” and the formation of the territory of the Old Russian state]. Moscow, Nauka Publ., 1951, 261 p. (In Russian)
34. *Nikitskii A. I.* Ocherk vnutrennei istorii Pskova [Essay on the internal history of Pskov]. St. Petersburg, Tip. K. Zamyaslavskogo Press, 1873, 344 p. (In Russian)
35. *Nikonov S. A.* Rets. [Valerov A. V. Novgorod i Pskov. Ocherki politicheskoi istorii Severo-Zapadnoi Rusi XI–XIV vekov [Novgorod and Pskov. Essays on the political history of North-Western Rus' of the 11th–14th centuries]. St. Petersburg, Aleteiia Publ., 2004, 315 p.]. *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Istoriia*, 2007, no 7, pp. 159–168. (In Russian)
36. *Okhotnikova V. I.* Povest' o Dovmonte. (Issledovanie i teksty) [The Tale of Dovmont. (Research and texts)]. Leningrad, Nauka Publ., 1985, 232 p. (in Russian)
37. *Pashuto V. T.* Obrazovanie Litovskogo gosudarstva [Formation of the State of Lithuania]. Moscow, Izdatel'stvo AN SSSR, 1959, 531 p. (In Russian)
38. *Petrova N. A.* K voprosu o datirovke Bolotovskogo dogovora [On the issue of dating the Bolotovskiy Treaty]. *Rossiiskaia istoriia*, 2020, no 4, pp. 64–70. (In Russian)
39. Pis'ma chitatelei (V. A. Burov, V. L. Ianin, S. A. Kislitsyn) [Letters from readers (V. A. Burov, V. L. Yanin, S. A. Kislitsyn)]. *Otechestvennaia istoriia*, 1993, no 6, pp. 208–210. (In Russian)
40. Polnoe sobranie russkikh letopisei [Complete collection of Russian chronicles]. Moscow, Iazyki russkoi kul'tury Publ., 1997, vol. 1. Lavrent'evskaia letopis' [Laurentian Chronicle]. 733 p. (In Russian)
41. Polnoe sobranie russkikh letopisei [Complete collection of Russian chronicles]. Moscow, Iazyki russkoi kul'tury Publ., 1998, vol. 2. Ipat'evskaia letopis' [Ipatiev Chronicle]. 606 p. (In Russian)
42. Polnoe sobranie russkikh letopisei [Complete collection of Russian chronicles]. Moscow, Iazyki russkoi kul'tury Publ., 2000, vol. 3. Novgorodskaia pervaiia letopis' starshego i mladshego izvodov [Novgorod first chronicle of the older and younger editions]. 723 p. (In Russian)
43. Polnoe sobranie russkikh letopisei [Complete collection of Russian chronicles]. Moscow, Iazyki russkoi kul'tury Publ., 2000, vol. 4, part 1. Novgorodskaia chetvertaia letopis' [Novgorod fourth chronicle]. 728 p. (In Russian)
44. Polnoe sobranie russkikh letopisei [Complete collection of Russian chronicles]. Moscow, Iazyki russkoi kul'tury Publ., 2003, vol. 5, issue 1. Pskovskie letopisi [Pskov Chronicles]. 256 p. (In Russian)
45. Polnoe sobranie russkikh letopisei [Complete collection of Russian chronicles]. Moscow, Iazyki russkoi kul'tury Publ., 2000, vol. 5, issue 2. Pskovskie letopisi [Pskov Chronicles]. 368 p. (In Russian)
46. Polnoe sobranie russkikh letopisei [Complete collection of Russian chronicles]. Moscow, Iazyki russkoi kul'tury Publ., 2004, vol. 43. Novgorodskaia letopis' po spisku P. P. Dubrovskogo [Novgorod Chronicle according to the list of P. P. Dubrovsky]. 368 p. (In Russian)
47. Polnoe sobranie russkikh letopisei [Complete collection of Russian chronicles]. Moscow, Iazyki slavianskikh kul'tur Publ., 2008, vol. 17. Zapadnorusskie letopisi [Western Russian chronicles]. 383 p. (In Russian)
48. *Sreznevskii I. I.* Materialy dlia slovaria drevnerusskogo iazyka po pis'mennym pamiatnikam [Materials for a dictionary of the Old Russian language based on written monuments]. Vol. 2. St. Petersburg, Tip. Imperatorskoi Akademii Nauk, 1902, 1802 stb. (In Russian)
49. *Fennel Dzh.* Krizis srednevekovoi Rusi 1200–1304 [Crisis of medieval Rus' 1200–1304]. Moscow, Progress Publ., 1989, 240 p. (In Russian)
50. *Froianov I. Ya., Dvornichenko A. Yu.* Goroda-gosudarstva Drevnei Rusi [City-states of Ancient Rus']. Leningrad, Leningrad State University Press, 1988, 269 p. (In Russian)
51. *Froianov I. Ya.* Lektsii po russkoi istorii. Kievskaiia Rus' [Lectures on Russian history. Kievan Rus']. St. Petersburg, Russkaia kolleksiia Publ., 2015, 1048 p. (In Russian)
52. *Khrustalev D. G.* Severnye krestonostsy. Rus' v bor'be za sfery vliianiia v Vostochnoi Pribaltike XII–XIII vv. [Northern Crusaders. Rus' in the struggle for spheres of influence in the Eastern Baltics in the 12th–13th centuries]. Vol. 1. St. Petersburg, Evraziia Publ., 2009, 416 p. (In Russian)
53. *Khrustalev D. G.* Severnye krestonostsy. Rus' v bor'be za sfery vliianiia v Vostochnoi Pribaltike XII–XIII vv. [Northern Crusaders. Rus' in the struggle for spheres of influence in the Eastern Baltics in the 12th–13th centuries]. Vol. 2. St. Petersburg, Evraziia Publ., 2009, 464 p. (In Russian)
54. *Ianin V. L.* «Bolotovskii» dogovor o vzaimootnosheniakh Novgoroda i Pskova v XII–XIV vv. [“Bolotovskiy” treaty on the relationship between Novgorod and Pskov in the 12th–14th centuries]. *Otechestvennaia istoriia*, 1992, no 6, pp. 3–14. (In Russian)

55. *Ianin V. L.* Novgorodskie posadniki [Novgorod mayors]. Moscow, Iazyki slavianskoi kul'tury Publ., 2003, 512 p. (In Russian)
56. *Ianin V. L.* Vislye pechati Pskova [Hanging seals of Pskov]. *Sovetskaia arkhologia*, 1960, no 3, pp. 236–261. (In Russian)
57. *Ianin V. L.* Novgorodskie akty XII–XV vv. Khronologicheskii kommentarii [Novgorod acts of the XII–XV centuries. Chronological commentary]. Moscow, Nauka Publ., 1990, 384 p. (In Russian)
58. *Grabmüller H.-J.* Die Pskover Chroniken. Untersuchungen zur russischen Regionalchronistik im 13.–15. Jahrhundert. Wiesbaden, 1975, 240 p.
59. *Gudavičius E.* Mindaugas. Vilnius, Zara Publ., 1998, 359 p.
60. *Hansisches Urkundenbuch* / Bearbeitet von K. Höhlbaum. Bd. I. Halle, 1876, 524 p.
61. *Preußischen Urkundenbuch* / Bearb. August Seraphim. Königsberg, 1909, bd. 1, h. 2, 724 p.
62. *Rowell S. C.* Between Lithuania and Rus': Dovmont-Timofey of Pskov, his life and Cult // *Oxford Slavonic Papers*. New series. Oxford, 1992, vol. XXV, pp. 1–33.
63. *Urkundenbuch Der Stadt Lübeck*. Vol. 1. Lübeck, F. Asfchenfeldt Publ., 1843, 767 p.

Received 18.02.2024

Dvornichenko A. Yu., Doctor of History, Professor,
Head of the Department of History of Russia from Ancient Times to the 20th Century
Saint Petersburg State University
Universitetskaya nab. 7–9, Saint Petersburg, Russia, 199034
E-mail: a.dvornichenko@spbu.ru